

ВЕЧНО ЖИВЫЕ ОБРАЗЫ

Могут возразить, что в постановке Г. А. Товстоногова связь Горького драматурга с его предшественниками и ж

В. БЯЛИК

трагикомической форме раскрывается в спектакле образ чиновника Монахова (Е. А. Лебедев).

Но особенно большое значение среди противников Горького в пьесе «Варвары» имеет Черкуш. И этот образ театр раскрыл по-своему. Черкуша обычно изображали человеком сильным, но бездушным. А между тем задача здесь более сложна, и это хорошо понял Г. А. Товстоногов и артист П. В. Луспенков. Сама сила Черкуша — иллюзорна. За внешне волевым характером оказывается скрытой крайняя бесхарактерность, которая — тоже возмездие, возмездие за утрату высоких идеалов.

Так режиссер и актеры снимают с человеческих характеров один покров за другим, проникая в самые их основы, в их глубинный подтекст. И здесь проявляется полемический характер замысла режиссера. В последнее время получило некоторое распространение одностроннее и поверхностное понимание драматургии Горького, сводящееся к противопоставлению ее всей предшествующей реалистической драматургии, особенно — Островскому и Чехову. Новаторство Горького толкуется как замена подтекста — «надтекстом», как отказ от психологического реализма во имя одной публицистичности.

Ленинградский спектакль «Варвары» — это прямое и страстное опровержение таких представлений. Это — напоминание о тех особенностях горьковской драматургии, которые, казалось бы, известны каждому ценителю Горького, но о которых надо напоминать снова и снова и каждый раз по-новому. Спектакль как бы говорит нам: неверно, что в горьковских пьесах нет подтекста, — он есть здесь в каждой роли, правда, иной, чем у Чехова, но не менее глубокий. Неверно, что для Горького не так важна, как для его предшественников, индивидуальная психология героев, — смотрите, какой сложностью отличается душевная жизнь каждого из них. И не пытайтесь найти в горьковских пьесах философию где-то вне их конкретно-исторического содержания, вне «жизненных» отношений персонажей, — не лутайте Горького с Леонидом Андреевым. Именно потому, что Горький вобрал в свое творчество все достижения предшествующего реалистического искусства, он смог это искусство поднять на новую высоту и стать родоначальником социалистического реализма.

подчеркнута больше, чем его новаторские особенности. В таком замечании есть доля истины. Однако следует иметь в виду, что в самой пьесе «Варвары» преемственность Горького по отношению к Островскому и Чехову видна более отчетливо, чем в других его пьесах. А затем — и это главное — в ленинградском спектакле приговор жадным жалким, приговор «варварам» звучит по-горьковски воинственно и беспощадно, потому что по-горьковски страстно звучит здесь и гордость настоящим человеком, не желающим приспособляться к жалкому, бесперспективному бытию. Людям Богачевым в исполнении Н. А. Ольховиной переживает мучительный душевный кризис и выходит из него окрепшей, готовой дойти до конца в своих поисках смысла и цели жизни. Но центром спектакля, его душой, как это и должно было быть, стала Надежда Монахова, которую смело, вдохновенно играет молодая артистка Т. В. Дороница. Мы помним исполнительниц, которые останавливались на внешних сторонах этого образа — на странностях характера Надежды, на ее немного смешной увлеченности героями бульварной литературы и на ее одеревенелости в любви. Нам известны и другие исполнительницы, которые, стремясь поднять образ Надежды и раскрыть его трагическое содержание, совсем очищали его от этих странностей, от всего смешного, от той наивности, которая делает такой неизбежной трагедию Надежды и ее гибель. Дороница не боится показать эти особенности своей героини и делает это с большой остротой, чтобы вдруг осветлялись — как бы при вспышке молнии — красота ее души...

Я не могу сказать, что такая трактовка Надежды Монаховой, соответствующая всему духу и строю постановки Большого драматического театра и яркой индивидуальности артистки, — единственно правильная. Не так давно я смотрел в Сталинградском драматическом театре имени М. Горького ту же пьесу «Варвары» в очень хорошей постановке режиссера И. А. Прохорова — одного из самых опытных и одаренных истолкователей горьковской драматургии на советской сцене. Исполнительница роли Надежды в сталинградском спектакле М. Н. Соколова не освобождает свою героиню от «смешного», но смешна она зрителям гораздо меньше, чем окружающим ее «варварами». Во всем, что она говорит, звучит искреннее и глубокое удивление: как эти люди не понимают, что не она странная, а они сами. Как они не понимают, что человек лишь тогда человек, когда он — герой?

Я затруднился бы отдать предпочтение какой-нибудь из двух исполнительниц роли Надежды Монаховой: обе они играют по-своему убедительно и ярко. Мне трудно было бы предпочесть и один из этих спектаклей в целом: у каждого из них есть свои большие достоинства и свои частные промахи. Ленинградский спектакль отличается более глубокой разработанной ряда образов, но у него есть пока недостатки, которых не знает сталинградская постановка. Замедленность ритма, оправданная в начале спектакля, потом начинает мешать восприятию. Оправданно избегая «парада» афоризмов, режиссер иногда теряет чувство меры в бытовой раскраске речей персонажей. Некоторые крылатые горьковские выражения при этом комкуются и дробятся.

Было бы интересно и поучительно показать в Москве, на сцене Кремлевского театра, две новые — хорошие и разные — постановки «Варваров». Это позволило бы лучше увидеть, какой глубиной и емкостью обладают образы подлинно реалистической драматургии, которые не только допускают, но делают необходимым многообразие сценических трактовок, различие красок при одинаково верном понимании идей. И это позволяло бы лучше понять, в чем заключается неискажаемая жизненная сила горьковской пьесы.

Тот идеологический бой, который вел Горький в пьесе «Варвары» с Черкушами и Цыгановыми, обанкротившимися претендентами на роль героев истории, — бой в защиту человека, его высоких стремлений и его веры в жизнь, — ведем и мы сегодня. И уже трудно не видеть, кто побеждает в этой идейной борьбе.

ПОНАЧАЛУ то сценическое толкование пьесы «Варвары», которое предлагают зрителю режиссер Г. А. Товстоногов и коллектив Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького, удивляет, даже озадачивает. И в ритме спектакля, и в интонациях ряда актеров, и в детальной разработке ими подтекста ролей — во всем этом чувствуется нечто не столько горьковское, сколько чеховское. Но постепенно проявляется истинный характер режиссерского замысла, полемизирующего с некоторыми неверными представлениями о драматургическом новаторстве Горького. Встреча с Горьким яркого, своеобразного режиссера, по-своему «протытавшего» не одно произведение современной и классической литературы, — дала прекрасные творческие результаты.

...В сонную одуру маленького городка провинциальной России врывается скрежет железа: до патриархального захолустья докатилась волна капиталистического «прогресса». Приезжают его первые вестники — инженеры Цыганов и Черкуш. Вопрос о том, что это за люди, приобретает по мере развития действия пьесы все более широкое значение. Какова сила того строя, того образа жизни, который они с собою приносят? Что он способен разрушить и что создать? Каковы его идеалы, его нравственные принципы?

Обычно Цыганова играют человеком совершенно опустошенным, способным лишь разрушать все вокруг себя своим безразличным гнилизмом. Что ж, этот человек действительно таков, и горьковский приговор беспощаден. И это особенно проявляется в том, как и Цыганову приходит — приходит слишком поздно — настоящее сильное чувство: любовь к Надежде Монаховой. Исполнитель этой роли в ленинградском спектакле — артист В. И. Стрельчик не идеализирует своего героя, он раскрывает его любовь как эгоистическую и злую страсть. Но от того, что страсть эта так сильна, от того, что любовь пришла к человеку, у которого уже нет для нее душевных сил, — она становится для него суровым возмездием.

Тема возмездия вообще с большой силой звучит в ленинградском спектакле, становясь его лейтмотивом. Возмездие приходит здесь к главному защитнику патриархального варварства Редозубову (В. П. Полищевяков), который душевно сокрушен уходом дочери. Возмездие приходит и к местному мудрецу Павлину (Б. С. Рыжухин), для которого уничтожительная оценка его философского «сочинения» Цыгановым — тяжкий удар. В такой же острый,